

Жан Филипп Ворт

ВЕК МОДЫ

«MÉMOIRES
DE LA MODE
ОТ АЛЕКСАНДРА
ВАСИЛЬЕВА»

Memoires de la mode от Александра Васильева

Жан Ворт

Век моды

«Этерна»

Ворт Ж. Ф.

Век моды / Ж. Ф. Ворт — «Этерна», — (Memoires de la mode от Александра Васильева)

Эту книгу Жан Филипп Ворт посвятил своему отцу – Чарльзу Фредерику Ворту, первому всемирно известному дизайнеру, создателю моды Haute Couture, который одевал самых богатых и влиятельных женщин своего времени: представительниц королевских династий и жен американских миллионеров. Ч. Ф. Ворту принадлежит немало изобретений в сфере модного бизнеса. Его первым стали считать не обычным производителем одежды, а настоящим художником. Жан Филипп увлекательно рассказывает об этом золотом веке моды, о работе и успехах их Дома моды, основанном в 1857-м и просуществовавшем почти сто лет, до 1956 года.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие	12
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Жан Филипп Ворт

Век моды

Серия «Mémoires de la mode от Александра Васильева» основана в 2008 году

Предисловие, научное редактирование и фотографии из личного архива Александра Васильева

На переплете – маскарадное платье «Павлин», изготовленное Ч. Ф. Вортом для принцессы де Саган, 1864 – Александр Васильев, Москва, 2007. Фото Джеймса Хилла

Предисловие к русскому изданию Властелин моды

Имя Чарльза Фредерика Ворта всегда будет ассоциироваться с царственными модами Викторианской эпохи. Основатель французской Высокой моды родился в местечке Боурн, в Англии, 13 ноября 1826 года. Сын скромного сборщика налогов в Линкольншире, он познал все ужасы бедности в семье без отца. В детстве ему пророчили работу в типографии, но весной 1838 года, в возрасте двенадцати лет, мальчик отправился в диккенсовский Лондон и ощутил все «прелести» эксплуатации детского труда. Чарльз Фредерик овладел профессией продавца в хорошем магазине импортных французских модных товаров, который назывался *Swan & Edgar*. Затем он получил повышение и перешел в еще более престижный магазин шелковых тканей в Лондоне *Lewis & Allenby*, являвшийся в то время Придворным поставщиком Ее Величества королевы Виктории.

В возрасте двадцати лет, в 1846 году, Чарльз Фредерик Ворт оставил родную страну и отправился попытать модное счастье в Париж, вечно манящий своим блеском и возможностями молодежь со всех концов света. Трудно предположить, через какие невзгоды и лишения прошел этот молодой англичанин в столице Франции. Первый месяц он работал приказчиком в магазине *Villede Paris*, но в 1847 году, наконец, нашел себе место продавца со знанием английского языка в престижном парижском магазине *Gagelin-Opigez & Cie* на улице Ришелье, недалеко от театра «Комеди Франсез». Этот магазин считался одним из самых знаменитых в Париже в те годы. Парижский шик с его изысканными выдумками, характерными для моды 1840 – 1850-х годов, были прекрасной питательной почвой, на которой молодой Ворт сформировал и развил свой талант.

Его окружала роскошь: дамы, утянутые в узкие корсеты, в шуршащих тафтяных широких платьях, в шالях и канзу¹, в капорах и баволе², с тонкими ручками в цветных лайковых перчатках; зонтики-умбrella³; шелковая обувь на низком каблучке; бисерные ридикюли⁴ и духи от *Guerlain* – все это не могло не восхищать и пробудило воображение талантливого юноши.

В магазине *Gagelin-Opigez & Cie*, где работал юный Ворт, торговали новинками французской текстильной промышленности: яркими шелками, броше⁵, фаями⁶ и оттоманами⁷, барежем⁸ и органди⁹, нарядными брокарами¹⁰, легкими набивными муслинами и лионскими шальями. Огромный выбор, заметно превышавший лондонский ассортимент, часто тяготевший к клетчатым тканям в стиле «балморал», любимом Ее Величеством королевой Викторией, поразили молодого англичанина в Париже. С неистовым упорством он принялся драпировать эти новинки сначала на манекенах-бюстах, чтобы показать игру шелка в складках, драпировках и объеме, а затем перешел к живым моделям, особенно симпатизировал молоденькой маде-

¹ Косынка больших размеров из легкой ткани или кружев, которую носили в первой половине XIX века, перекрестив концы на груди и завязывая их на талии.

² Маленькая косынка из ткани, отделанная по низу кружевом, которой заканчивался сзади женский головной убор типа наколки.

³ Кружевные зонтики.

⁴ Женская сумочка на длинном шелковом шнуре, украшенная вышивкой; надевался на руку.

⁵ Шелковая или полушелковая ткань, вышитая золотом или серебром.

⁶ Плотная ткань с мелкими поперечными рубчиками.

⁷ Репсовая ткань.

⁸ Тонкая, легкая бумажная, шерстяная, полушелковая или шелковая ткань для дамских платьев.

⁹ Очень тонкая жесткая прозрачная матовая шелковая ткань, выработанная мелкоузорчатым переплетением. Применяли для отделки платьев, изготовления воротничков, жабо и т. п.

¹⁰ Толстая шелковая ткань с блестящими узорами, употреблялась для драпировок и обивки мебели.

муазель Мари-Августине Верне (1825–1898). С парижской грацией XIX века она ежедневно меняла сшитые на живую нитку платья из тканей магазина. Покупательницы «ахали», приходили в восторг и покупали именно ту ткань, которую молодой англичанин использовал на платье мадемуазель Мари.

Вскоре дирекция магазина предложила ему руководить ателье по пошиву платьев при магазине. Оборот магазина и без того порядочный только увеличивался, а слава Ворта росла. К нему стали обращаться за советами: какую шаль подобрать к платью, купить пятнадцать метров шелка или все двадцать – такой приблизительно метраж требовался, если платье было с тремя рядами больших оборок по косой при корсетной талии в пятьдесят сантиметров. Говоря современным языком, молодой Ворт был не только продавцом-консультантом, но и стилистом. Одна из первых моделей Ворта, придворная мантия, крепившаяся на плечах, богато отделанная золотой вышивкой, даже получила золотую медаль в Лондоне, на Первой Всемирной выставке, в Хрустальном дворце.

Окрыленный первым успехом Ворт нашел себе компаньона, шведского художника-пейзажиста и сына банкира, Отто Густава Боберга (1821–1881). В это же время он обвенчался с мадемуазель Мари-Августиней, стал отцом первого сына и нашел новое место под свой магазин на тихой и спокойной рю де ла Пэ, в доме номер 7, которая отходит от Вандомской площади. В том далеком от нас 1857 году рю де ла Пэ (улица Мира) была поистине мирной и вовсе не торговой. Площади Гранд Опера, которая ныне завершает эту улицу, как и самого здания Оперы, тогда еще не существовало. Авеню Опера еще не была «прорублена» сквозь старые кварталы Парижа XVIII столетия. То есть выбор места для Дома моды был сделан Вортом скорее из экономических соображений. Думал ли он, открывая свой Дом в этом парижском районе, что привлечет сюда множество своих коллег и конкурентов? Позже рядом расположатся Дома моды *Doucet* и *Cheruit*, к ним подтянутся торговцы брильянтами – они до сих пор украшают эту историческую улицу, главную улицу парижской моды.

Успех Чарльза Фредерика Ворта как кутюрье был обусловлен в первую очередь историческими обстоятельствами. В начале 1850-х годов племянник Наполеона Бонапарта, Наполеон III стал императором Франции, и Париж вновь оказался мировым центром моды, люкса и красоты. Сразу понадобились новые платья: коронация, балы в Тюильри, приемы требовали роскошных туалетов, под стать изысканному вкусу Императрицы Евгении, супруге Наполеона III, урожденной испанской графини де Монтихо.

Но поначалу Дом моды *Worth & Boberg*, в котором с первых дней работало уже пару десятков сотрудников, довольствовался местной буржуазной клиентурой. Им приходилось торговать не только платьями, но тканями и отделками. Но даже самые первые модели нового Дома отличались оригинальностью и стильностью. В моей личной коллекции имеется редчайшее визитное платье на большом кринолине из тафты селадонного (нежно зеленого) цвета с грифом *Worth & Boberg* (1857–1871). Именно Чарльзу Фредерику Ворту пришла впервые идея печатать золотыми буквами имя и адрес Дома моды на сантюре – внутреннем пояске корсажа платья, что положило основу брендомании, живой и по сей день. Во всем мире именно это считается началом Высокой моды как таковой. Также открытием Ворта была подгонка орнамента шелковой ткани, из которой шилось платье, по рисунку. Ему же принадлежит идея показывать готовые модели на манекене из папье-маше работы *Guerre-Lavigne*, что явилось сенсационной новинкой в те годы.

Вскоре Боберг уехал в Швецию, где у него родилась дочь, оставив Ворту свою часть Дома, и Чарльз Фредерик стал единовластным его владельцем. Модели Дома пользовались успехом, но не имели широкой популярности. Все решил один случай. У дверей его ателье остановилась карета дипломатического корпуса с Австро-Венгерскими гербами на дверях. Оттуда выпорхнула очаровательная модница Второй империи, принцесса Полина фон Миттерних, супруга посланника Австро-Венгерской империи при французском дворе. Принцесса была воплоще-

нием очарования и заказала у Ворта в срочном порядке бальное платье для предстоящего бала у Императрицы Евгении в несуществующем ныне дворце Тюильри. Ворт выполнил заказ, и как позднее писала в своих воспоминаниях принцесса: «Платье было очаровательным, но, увы, более никогда, его платья мне так дешево не доставались». Платье принцессы фон Миттерних, ближайшей подруги Императрицы Евгении, из тюля и букетиков цветов было настолько изящным и удивительным, что привлек внимание зоркого взгляда Ее Величества, которая, осведомившись об авторе сего наряда, попросила Ворта наутро во дворец. По материнской линии Императрица Евгения была ирландкой, прекрасно говорила по-английски и быстро нашла с Вортом общий язык. Вскоре Евгения сделала его Придворным поставщиком и принялась заказывать большое количество бальных, повседневных и парадных туалетов. Так как Ворт сам не рисовал, он пользовался заготовленными гравюрами с женскими фигурками, к ним дорисовывал линии платьев по своей творческой фантазии. Несколько альбомов с такими рабочими рисунками хранятся теперь в Лондонском музее Виктории и Альберта. Но кроме этого, кутюрье не брезговал приобретать уже готовые эскизы у различных художников-иллюстраторов, например, у Палетт, чьи зарисовки для Ворта из моей коллекции мы публикуем в этом издании.

А фантазия Ворта была необыкновенно современной для своего времени. Он украшал бальный кринолин телеграфными проводами по подолу с миниатюрными ласточками, сидящими на них; изображал на кринолине паровоз – символ прогресса в середине XIX века; прикреплял к платью гнездышки птиц; создал невероятное маскарадное платье из перьев павлина, эскиз к которому вы можете видеть на обложке этой замечательной книги.

По настоящему требованию Императора Наполеона III Ворт отдавал предпочтение исключительно тканям французского происхождения – лионским шелкам и эфемерному шелковому тюлю, десятки метров которого требовались для изготовления его невесомых бальных шедевров. Как выглядели эти платья, нам дает представление галерея портретной живописи кисти излюбленного художника Второй империи, Франца Ксавера Винтерхальтера. Поначалу Императрица Евгения противилась большому количеству тканей и драпировок на своих платьях, сетуя на сходство «с занавесками дворца», но позднее доверилась ВОРТУ, что сделало ее иконой стиля XIX века.

Как только Императрица стала отшиваться у Ворта, к нему потянулась вереница придворных дам, аристократок, жен промышленных магнатов и даже кокотов, которым изобиловал Париж в то время. Сам кутюрье установил себе за правило приезжать на примерки только к Ее Величеству, а все другие дамы должны были сами приезжать к нему в Дом моды.

Но что делать? У Ворта не было конкурентов, и желание одеться у самого прославленного метра моды было очень велико.

Современницы все же вспоминают его не очень ласково. Он часто приходил на примерки сердитым и не выспавшимся, с красным лицом, не отличался обходительностью, на ходу сочинял модель и никогда не слушал комментариев заказчиц. Он и только он точно знал, что им подойдет – стиль, крой, цвет.

Чарльз Фредерик Ворт представлял собой тип модельера-тирана, великолепного коммерсанта, попавшего в идеальный город в нужное время. До него большинство портных были женщинами, и появление Ворта стало настоящей сенсацией. По характеру своих работ Ворт был пассаистом¹¹. С большим усердием он собирал гравюры моды XVII–XVIII веков, образцы тканей и впоследствии построил на честно заработанные средства особняк в предместье Парижа, где испытал себя и в качестве создателя интерьеров. Модельер провозглашал драпировочно-обивочный стиль: портьеры с ламбрекенами, козетками, оттоманками; кресла на двоих «дозадо»; круглые диваны «пате» под кринолины и канапе «сиамские близнецы»; изогнутые банкетки тет-а-тет; драпированные и украшенные помпонами пуфики и «андискреты» – слож-

¹¹ Человек, обращенный в прошлое, воспевающий его.

ные, похожие на медуз, кресла на троих гостей; модная мягкая мебель «капитоне», типичная для середины и второй половины XIX века.

Европейской, а затем и мировой славе Ворта очень способствовали экономический прогресс и промышленная революция, которые позволили ему брать заказы по почте из-за рубежа и отправлять готовые изделия на пароходах и поездах. Эта вакханалия роскоши и люкса, ставшая отличительной чертой правления Наполеона III, была прервана Франко-прусской войной, блокадой Парижа и Парижской коммуной. Император был низвергнут, а главная заказчица Ворта, Императрица Евгения вместе с наследником престола удалилась в изгнание в Англию. Кутюрье на время закрыл свой Дом моды, но, когда была провозглашена Третья республика, в 1871 году он снова открылся, и Ворт был удивлен обилием заказов, которые последовали уже не от придворных, а от нуворишей и их жен, разбогатевшей буржуазии. С тех пор на сантюре его моделей исчезло имя Боберга, и все наряды были подписаны исключительно его собственным именем – *Worth*.

В 1875 году в Доме отца начал работать его девятнадцатилетний сын, автор этих воспоминаний – Жан Филипп Ворт (1856–1926). Он проявил себя очень способным юношей и стал прекрасным продолжателем семейного дела. Его старший брат Гастон Люсьен (1853–1924) занимался финансами Дома и оказался талантливым организатором.

Но нежной дружбы с Императрицей Ворт не прервал и после свержения монархии. Раз в год он посылал ей в изгнание свою новую модель вместе с букетиком парижских фиалок, которые она так любила. Вот пример достойной преданности к своей первой коронованной заказчице, принесшей славу его Дому. Отправляясь в Англию, Императрица впопыхах не взяла ничего из нарядов, позднее их спасла от коммунаров принцесса Полина фон Миттерних, собрав из гардеробной низвергнутой Императрицы все последние платья от Ворта и отправив их с дипломатической почтой на Альбион.

Еще в конце 1860-х годов уменьшив криолин в объеме, очень неудобный в купе поезда, конке и омнибусе, Ворт предложил драпированный турнюр, который со многими модификациями с его легкой руки продержался в моде целых двадцать лет, до конца 1880-х годов. Новые изменения силуэта в женских платьях были приняты за аксиому во всем мире, и у кутюрье стали появляться первые крупные конкуренты. Недалеко от рю де ла Пэ открыл свой Дом моды модельер Эмиль Панга.

Он откровенно копировал Ворта, но использовал более дешевые и стойкие материалы. Удивительно, но именно благодаря этому, модели от Панга сохранились во многих коллекциях, в то время как бальные платья из эфемерного шелкового тюля от Ворта полностью истлели и рассыпались в прах. Это же произошло и с его прекрасными изделиями из прозрачного шелкового муслина, бенгалина и фуляра – самых тонких шелковых материй той эпохи. Благодаря стараниям Ворта, лионские шелковые мануфактуры удвоили свое производство и оборот в те годы. Распространению славы его Дома способствовала и пресса. Так, американские издания *Harper's Bazaar* и *New York Herald Tribune* регулярно писали о Доме Ворта, как о самом знаменитом и первоклассном того времени в Париже. У Ворта были тесные связи со всеми королевскими и императорскими дворами Европы. Даже королева Виктория тайком носила платья от Ворта, покупая их через английских модисток. Особенно кутюрье любил одевать русский двор и гордился тем, что создавал модели для трех русских императриц – Марии Александровны, Марии Федоровны и Александры Федоровны. Они, естественно, не приезжали на примерки, но по существующим меркам в ателье был изготовлен манекен, и на нем отмерялись многочисленные заказы императриц и поездом отсылались из Парижа в Петербург в больших дорожных кофрах от *Louis Vuitton*. В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся несколько платьев от Ворта из гардероба Императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны. Даже после кончины Чарльза Фредерика Ворта Дом моды, руководимый в начале XX столетия его двумя сыновьями, продолжал обшивать русских клиенток. У них одевались княгиня Ольга

Валериановна Палей, княгиня Мария Щербатова, урожденная Строганова, и многие другие. В своих воспоминаниях «Одевая эпоху», изданных в этой же серии издательством «Этерна», Поль Пуаре пишет об одной из самых богатых клиенток Ворта – княгине Барятинской, перед появлением которой трепетал весь Дом!

В книге воспоминаний Жана Филиппа Ворта, изданной в Париже в конце 1920-х годов, много места уделено маскарадным костюмам, детально описываются характеры клиенток, количество заказов. Начиная с 1897 года, идя в ногу со временем, Дом стал принимать заказы по телефону и по почте.

Именно в этом году открылся филиал Дома Ворта в Лондоне, который в 1902 году переехал в самостоятельный Дом моды по адресу *New Burlington street*, дом 4. Репутация Жана Филиппа была настолько безупречной, что он стал первым президентом парижского Синдиката Высокой моды и получил в 1901 году Орден Почетного Легиона за участие Дома Ворта во Всемирной выставке в Париже. Оборот Дома в эти годы был очень значительным: производилось несколько десятков тысяч изделий в год с товарооборотом в пять миллионов франков, в то время как основной капитал Дома Ворта составлял пятьсот миллионов золотых франков!

Начиная с 1910-х годов, Жан Филипп привлек на работу своих племянников – Жака и Жан-Шарля. Дом моды Ворта был на пике популярности до Первой мировой войны. В моей личной коллекции есть несколько платьев от Ворта в стиле модерн из гардероба графини Строгановой и других изысканных женщин. Их отличают тонкая работа с бисером и стеклярусом, сложный крой. В эпоху Первой мировой войны Дом Ворта даже открыл филиал в Нью-Йорке и неплохо продавал там бальные платья. Но в 1920-е годы заметно возросла конкуренция с другими Домами моды – Поля Пуаре, Жанны Ланвен, Мадлен Вионне, Габриель Шанель, Жана Пату, Люсьена Лелонга и других корифеев Высокой парижской моды. Но все же платья от Ворта постоянно публиковались на страницах лучших модных журналов. Именно тогда в Дом моды Ворта пришли известные русские манекенщицы – сестры Гобиевы; Кира Середа, урожденная баронесса фон Медем; Женя Горленко, в замужестве виконтесса де Кастекс; и другие русские красавицы из среды русской эмиграции.

Великая депрессия подкосила бизнес многих старых домов моды Парижа. Дом Ворта не стал исключением. Финансовые трудности заставили руководство продать здание на рю де ла Пэ. В 1937 году Дом переехал по другому адресу – *rue du Faubourg Saint Honore*, дом 120. Модели Дома, выполненные в 1930 – 1940-е годы, были все также элегантны.

Моделисткой у Ворта стала Элизабет Шамкоммюналь, владевшая в начале 1930-х небольшим модным Домом в Париже. Но качество работы все же изменилось: уровень шитья, обработка швов, подкладки, да и сам гриф *Worth* видоизменился – стал меньше размером, но под ним все еще писали карандашом на ленточке-больдюке порядковый номер модели от-кутюр.

В моей коллекции есть около дюжины интересных платьев от Ворта разных периодов, но поздние творения Дома скорее подражают глобальной моде, чем диктуют ее. Для привлечения других, менее обеспеченных или разорившихся во время кризиса клиентов, Дом Ворта начинает выпускать фирменные сумочки, духи, пудру и помаду. Косметические средства от *Worth* стали теперь предметом активного собирательства среди коллекционеров парфюмерии. Самыми знаменитыми их духами, выпускавшихся до 1980-х годов, были безусловно «*Je reviens*» («Я вернусь»), любимые духи русской прима-балерины и бродвейской звезды Галины Пановой-Рагозиной.

Журналы 1920 – 1930-х годов изобилуют рекламными страницами этого знаменитого Дома моды. Многие из этих редких реклам мы публикуем в нашем издании.

В послевоенное время стал необыкновенно популярен стиль Нью Лук, явившийся в свою очередь поздним эхом вортговских кринолинов сто лет спустя. Не имея четкой художественной концепции, Дом Ворта угасал. После войны руководством Дома занимались еще одни наслед-

ники – Роже и Морис. В 1952 году Дом Ворта был объявлен банкротом и в 1954-м куплен одним из его старых конкурентов – Домом Пакен, основанным в 1891 году и сам дышавший на ладан.

Сохранилось немало вечерних и коктейльных платьев из атласа и тюля в стиле Нью Лук работы Дома Ворта с пометкой «Лондон». Дом Ворта был окончательно закрыт в 1956 году, но в Англии под этим грифом стали выпускаться мужские галстуки, рубашки, лосьоны для бритья и даже туалетное мыло. Новое английское руководство приобрело и все старинные архивы этого прославленного Дома, первого Дома Высокой моды в истории, и передала большую их часть в музей Виктории и Альберта. Правнуки Ворта по-прежнему живут в Париже и тоже владеют небольшим семейным архивом. Я впервые познакомился с этим раритетным изданием в 1989 году в Шотландии, в Школе Искусств имени Макинтоша в Глазго, где в те годы преподавал историю моды на английском языке. Мне, как преподавателю, была доступна библиотека, и книга Ворта произвела на меня просто неизгладимое впечатление. Я мечтал издать ее на русском языке на Родине, лишенной долгое время такой литературы. Как были бы рады отечественные историки моды, которых, благодаря нашей серии книг, становится все больше! Как бы возрадовались музейные работники, коллекционеры, блогеры из мира моды, журналисты! И вот, свершилось! Я воображаю, сколько курсовых работ и диссертаций будет написано по этой книге, сколько лекций прочитано и сколько телефильмов будет снято! Прекрасно, что благодаря книгам, выставкам, телепрограммам, журнальным публикациям история моды стала невероятно популярна и востребована. И Дом Ворта будет вновь в центре этого интереса.

Я хочу поблагодарить издательство «Этерна» и его главного редактора Нину Комарову за благородный труд в деле пропаганды истории моды среди русскоязычного населения и пожелать новых успешных и нужных книг!

*Александр Васильев,
истории моды, телеведущий,
Москва – Париж, 2013*

Предисловие

Жан Филипп Ворт, написавший эту книгу, хотел оставить письменное свидетельство участия его отца, Чарльза Фредерика Ворта, и своего собственного в развитии моды в течение последних ста лет. Он не имел намерения рассказать о своей частной жизни или каких бы то ни было сплетнях о клиентах, избегая всякой «портретности», как это называется у парижан. В наши дни, когда столь распространены биографии-исповеди, эта сдержанность вызывает уважение.

Ведущий кутюрье своего времени имел свои представления о пошиве одежды и свою концепцию моды, полагая, что для всякой моды следует принимать во внимание время, место, возраст и уместность. По его мнению, величайший недостаток в современной моде заключается в том, что она не удовлетворяет этим требованиям.

Дом Ворта спонсировал множество новшеств, от кринолина до прямых линий переда платья, но господин Ворт признался мне, что он не верит, что мода обязательно улучшает женскую красоту, и что он иногда вводил крайние проявления моды по принуждению.

Жан Филипп Ворт был человеком огромного достоинства, художником, знатоком и ценителем редких и прекрасных вещей. Его дом на авеню Эмиль Дешанель, где я беседовала с ним об этой книге, был полон коллекциями мебели, картин и фарфора. Дж. П. Морган¹², который привез своих женщин в Дом Ворта, чтобы заказать им одежду, был другом господина Ворта и хотел купить этот дом вместе с его содержимым.

Подобно многим чувствительным и интуитивным характерам, Ж. Ф. ВОРТУ было приятно думать, что его внешний вид внушает робость, а тяжелые черты лица и взгляд сквозь огромные очки вызывают страх, что все, начиная от герцогинь до мидинеток¹³, дрожат при его приближении. На самом деле все, от слепого, которого он содержал, до знатных дам, кому он создавал восхитительные платья, – обожали его, потому что в нем жил «послушный ребенок».

Подростком Жан Филипп мечтал стать художником и, хотя забросил холст и краски, всю жизнь создавал картины из тканей, кружев и драгоценностей. Каждое его произведение было настоящим предметом искусства, как будто было написано в цвете, а не в мягких и мерцающих материалах. Очень жаль, что он не дожил до появления этой книги – последнее произведение закончено. Он умер в декабре 1926 года, когда книга еще находилась в процессе перевода. Когда умер Жан Филипп Ворт, на Париж опустилась тьма, и склонные к драматизированию парижане утверждали, что это затмение было символичным. Быть может, так оно и было.

*Рут Скотт Миллер,
15 июня 1928 года*

¹² Морган, Джон Пирпонт (1837–1913) – американский предприниматель, банкир и финансист. – *Здесь и далее прим. ред.*

¹³ Молодые парижские портнихи.

Глава 1

Парень из Линкольншира

Более шестидесяти лет я был увлеченным зрителем нескончаемой драмы, главным действующим лицом которой была Мода. Когда я впервые встретился с ней, эта героиня появилась на сцене в роли наивной портнихи. Она знала атлас как разновидность люстрина¹⁴, используемого в оформлении коробок для конфет и обтяжки пуговиц, но не знала, что эту красоту можно смять и превратить в пышный бант. Теперь Мода, эта капризная богиня, легким шагом проходит перед рампой, не обращая внимания на искусство, ведома случаем или чаще всего, как назвал Эдгар Аллан По¹⁵, человеческой – чтобы не сказать женской – испорченностью. Ее главная цель: «Я должна иметь что-нибудь новое!»

Индустрии производства одежды еще нет и ста лет. Лишь через некоторое время после революции 1848 года люди пожелаали иметь более элегантные наряды, и их воображение пробудилось к восприятию грации и красоты, скрывающейся в рулоне ткани. Этим пробуждением они были обязаны кутюрье, которые вдохнули в свое ремесло новую жизнь, свежие идеи и чаяния.

А до этого времени перемена стилей от года к году была едва заметна. В рукава, лифы и юбки не добавлялось ни новой линии, ни новых оборок, платье носилось годами и никогда не выходило из моды. Но в начале второй половины XIX века революционно изменились не только манера ношения одежды, но и сам материал и процессы производства тканей. И эта метаморфоза, если мне будет позволено сказать не без гордости, произошла при энергичном и упорном руководстве и стимулировании моего отца – Чарльза Фредерика Ворта¹⁶.

Более подробный рассказ об этом деспотичном гении, который был моим добрым отцом и одновременно обожаемым кумиром, как мне кажется, даст полный ответ на вопрос: «Как случилось, что вы, который учился у Коро¹⁷ и мог бы быть художником, стали кутюрье?» Будет недостаточно сказать, что я выбрал эту профессию из любви к отцу, хотя это чистая правда. Желание стать художником, к чему у меня были наклонности, осталось неосуществленным. Скрытые амбиции, думаю, возникли у меня, несомненно, благодаря обучению у великого мастера, чьей кисти, среди многих других шедевров, принадлежит «Танец нимф»¹⁸.

Чарльз Фредерик Ворт родился 13 ноября 1826 года в Боурне, графство Линкольншир, Англия. Его отец был юристом, а мать – благородной дамой, рожденной в Куинси. К несчастью, мой дед по отцовской линии отнесся к своему семейному долгу легкомысленно и по прошествии нескольких лет обрек свою жену и троих детей на лишения, проиграв все свое состояние. Из всех детей старшему повезло больше всех. Достигнув взрослого возраста еще до разорения отца, он получил отличное образование, что дало ему возможность стать юри-

¹⁴ Тонкая шерстяная и полушерстяная ткань, путем специальной обработки приобретает блестящую, глянцевую поверхность.

¹⁵ По, Эдгар Аллан (1809–1849) – американский писатель, поэт, литературный критик, представитель американского романтизма. Наибольшую известность получил за свои «мрачные» рассказы. Он создал форму современного детектива. Его творчество способствовало появлению жанра научной фантастики.

¹⁶ Ворт, Чарльз Фредерик (1826–1895) – французский модельер XIX века, первый всемирно известный дизайнер, создатель мод *Haute Couture*. Одевал самых богатых и влиятельных женщин своего времени: представительниц королевских династий и жен американских миллионеров. Ворту принадлежат немало изобретений в сфере модного бизнеса. Первым использовал манекенщиц для примерок, в 1868 году создал Синдикат Высокой моды, объединивший салоны, где одевались высшие круги общества.

¹⁷ Коро, Жан Батист Камиль (1796–1875) – французский художник и гравер, один из самых успешных и плодотворных пейзажистов эпохи романтизма, оказавший большое влияние на импрессионистов.

¹⁸ Картина Камилы Коро.

стом и пользоваться прекраснейшими преимуществами, которые в начале 1800-х годов полагались юноше, воспитанному как джентльмен. Дочь умерла в детстве, и остался младший сын – Чарльз Фредерик, именно ему пришлось переносить последствия легкомысленности своего отца. Чарльзу Фредерику было всего одиннадцать лет, когда ему пришлось бросить школу и начать зарабатывать на жизнь. Кто был знаком с ним в более поздние годы и восхищался его шармом, уравновешенностью и блестящим талантом вести беседу, с трудом могли поверить, что этот человек, чьи познания в области искусства, литературы и красоты казались неисчерпаемыми и чей безупречный вкус устанавливал портновские стандарты во всем мире, после одиннадцати лет не учился в школе и практически был самоучкой.

Мать Чарльза Фредерика Ворта, дагерротип, 1850

Его первой работой после ухода из школы была типография; это место нашла ему мать, которой самой пришлось наступить на свою гордость благородной дамы – леди, как говорили раньше, – и стать экономкой в доме своей богатой родни. Мой отец никогда не думал о своих собственных трудностях и тяжелом детстве, но так и не смирился с унижением матери и не простил моего деда, допустившего это. Даже по прошествии многих лет, помогая материально этому расточителю, он отказывался встретиться с ним или просто увидаться. После того как Чарльз Фредерик проработал в типографии двенадцать месяцев, он пришел к моей бабушке и сказал: «Мама, я больше не могу оставаться на этом месте. Если я оттуда не уйду, то умру. Я ненавижу эту работу, эту жизнь и все, что с этим связано. Я не собираюсь становиться печатником. Пожалуйста, разреши мне уйти с этой работы и уехать в Лондон. Я пойду в какой-нибудь магазин, в «*Lewis and Allenby*» или любой другой, где повезет. Пожалуйста». Моя бабушка устало улыбнулась и сказала: «Я подумаю». Позднее, с помощью каких-то родственников, она устроила его в торговый дом «*Lewis and Allenby*» в Лондоне, и, чтобы приехать на новую работу, молодой человек двенадцати лет совершил свое первое путешествие по Темзе.

Он так хорошо использовал предоставленные Лондоном возможности, что, когда ему было всего тринадцать лет – представьте себе, – он получил повышение в должности и стал кассиром всего торгового дома. К тому же его рвение, желание и кроткие манеры помогли получить разрешение господина Алленби изучать данные предприятия, связанные с продажами, а также ткани, материалы, шали и готовые платья, изготовленные из них.

Каждый момент, не занятый работой у Алленби, он проводил в музеях и художественных галереях, изучая шедевры живописи. Картины, где персонажи щеголяли в детально разработанных костюмах, интересовали его более всего. В особенности один портрет королевы Елизаветы в бархатном платье, вышитом рисунком, состоящим из глаз и ушей: это означало, что она все видит и слышит, – именно этот узор стал любовью всей его жизни (см. первую вклейку, с. 1). Несмотря на молодость, он понимал смысл странного рисунка и был настолько поражен его причудливой символикой и роскошью бархата, что воскликнул, даже не мечтая, что это может осуществиться: «Если я когда-нибудь стану богатым, я закажу его копию. Я сделаю материю с таким же рисунком “глазками и ушками”». К концу своего ученичества в качестве продавца и клерка Чарльз Фредерик поработал во многих магазинах Лондона, в том числе в «*Swan and Edgar*» на углу Пикадилли. Наконец он почувствовал в себе силы подумать о своей карьере. И с благословения и с помощью матери, которая скопила небольшую сумму денег, данных родственниками на это смелое предприятие, мой отец покинул Лондон и поехал в Париж. Ему тогда не было и двадцати лет.

Несмотря на то что его спонсоры были весьма богаты, выделенная сумма была столь мала, что, когда молодой человек приехал в Париж, даже после самой строгой экономии в кармане осталось всего сто семнадцать франков – в это время это было около двадцати пяти долларов. Нужна большая смелость приехать завоевывать Париж со ста семнадцатью франками, не зная ни одного слова по-французски!

Однако Чарльз Фредерик вскоре нашел место в маленьком магазине тканей – был ли это «*Ville de Paris*» или другой, я не уверен. Это была хорошая фирма, одна из лучших по тому времени, хотя и не сравнимая с теперешними торговыми домами, как «*Galleries Lafayette*», чей оборот исчисляется миллионами. Тем не менее именно в этом магазине произошло удивительное событие, взбудоражившее его унылые будни. Вдове прежнего владельца удалось выдать замуж свою дочь за человека безупречного положения. И хотя брак дочери владельца магазина с аристократом вовсе не считался таким уж скандальным фактом, но стал кратковременной сенсацией. В магазине, отмеченном этим мезальянсом, отец начал работать и днем и ночью. Приходя туда к восьми часам утра, он снимал свое изящное пальто и шляпу, надевал старый жакет и подметал помещение. Покончив с этим, он протирал полки и наводил на них порядок,

снова надевал свою изящную одежду и стоял, безупречно опрятный, готовый с девяти часов принимать покупателей. В восемь часов вечера его работа заканчивалась, и молодой человек был свободен, развлекал себя, изучал очаровательный штат магазина, продолжал свое образование, и, если оставалось время, спал. Двенадцатичасовой рабочий день! Представьте себе крик ужаса современного клерка при таком рабочем дне!

Некоторое время отец работал в этом торговом доме, а затем перешел в фирму «*Maison Gagelin*», знаменитую в то время и располагавшуюся на улице Ришелье. Это был первый торговый дом, который занимался кашемировыми шальями и готовыми пальто, и именно там Чарльз Фредерик начал свою работу, готовя революцию в моде.

Чтобы понять всю грандиозность этой задачи, необходимо знать, что собой представляла индустрия изготовления одежды в 1850-е годы, когда линкольнширский парень стал служащим у Гажлена. По правде говоря, как промышленность, или отрасль деятельности, или вообще занятие, достойное иметь название, она просто не существовала. В середине XIX века, если кто-то желал сшить пальто, он покупал материал в каком-нибудь торговом доме, вроде «*Maison Gagelin*», нес его к портнихе и заказывал пальто по образцу того, которое носил последние десять лет, ставил подкладку из старого платья, и проблема пальто была решена на следующие четыре или пять лет. Во времена юности моего отца это называлось изготовлением одежды «на заказ» или, как теперь иногда говорят «высоким штилем», «искусством дизайна костюма».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.